

А. Е. Сериков

Ситуации и поведение. Голод как ситуация

После хорошего обеда
можно простить кого угодно,
даже своих родственников.

Оскар Уайльд

Влияние ситуаций на поведение

Вышедшая в 1991 г. знаменитая книга американских психологов Ли Росса и Ричарда Нисбетта «Человек и ситуация»¹ подводит своеобразный итог развитию экспериментальной социальной психологии в XX веке. Если изложить очень кратко, он таков: поведение человека в различных ситуациях определяется не столько его личностными характеристиками и диспозициями, сколько *объективными факторами ситуаций, с одной стороны, и тем, как их человек воспринимает, с другой*. Если мы наблюдали поведение человека в типичных для него ситуациях, мы с большой вероятностью можем предсказать, что и в дальнейшем он в этих ситуациях будет себя вести похожим образом. Но нет таких личностных тестов, которые могли бы предсказать, как поведет себя человек в незнакомой для него ситуации.

В книге Росса и Нисбетта нет какого-либо формального определения того, что понимать под ситуацией. Я также не хочу вводить такое определение, поскольку считаю, что термины должны опираться не столько на формальные определения, сколько на прецеденты употребления и прототипы значений. Смысл моей работы как раз и заключается в том, чтобы такие прототипы обрисовать в будущем. Однако предварительно можно сказать, что в психологии и социологии ситуация обычно понимается как совокупность факторов, непосредственно влияющих на действие или поведение. А теоретические споры обычно ведутся о том, каковы эти

¹ Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии / пер. с англ. В. В. Румынского ; под ред. Е. Н. Емельянова, В. С. Магуна. М. : Аспект Пресс, 1999.

факторы и как именно они влияют на действие или поведение. У Уильяма Томаса ситуация — это одно, у Толкотта Парсонса — другое, у Ирвинга Гофмана — третье, и т. д. Если хотите, *данную статью можно рассматривать как контекстуальное определение моего понимания ситуации*.

Я ссылаюсь на Росса и Нисбетта по двум причинам. Первая — авторы на четырех сотнях страниц обосновывают тезис, который лично мне кажется абсолютно верным, но противоречит интуиции многих носителей европейской культуры. Вторая — авторы приводят примеры отдельных экспериментальных и повседневных ситуаций, но не ставят *вопроса о том, возможна ли подробная типология или хотя бы простой список типичных ситуаций*. Мне же этот вопрос кажется важным: ведь если ситуации определяют поведение, то определенные формы поведения являются следствиями определенных ситуаций, и чтобы изучать поведение людей в обществе, неплохо было бы описать типы как ситуаций, так и поведения.

Я намеренно пишу о *поведении*, а не о действии, чтобы не обсуждать здесь проблему свободы воли. Многие понимают поведение как то, что объединяет человека с животными и может объясняться физиологией, условными рефлексами, бессознательной предрасположенностью, привычками и ситуациями. *Действие и деятельность*, с другой стороны, часто понимаются как осмысленные и рационально обоснованные, свойственные только человеку. Часто считают, что ситуация влияет на животное непосредственно, а человек может действовать на основе осознанного размышления о ситуации и принятия рационального решения, в том числе на основе заранее принятого плана. Далее *я буду понимать под поведением совокупность любых действий, независимо от того, насколько осознанными и рациональными они являются*. А по поводу осознанных рациональных решений замечу, что они вполне могут быть описаны с точки зрения ситуационной логики.

Решения и планы могут быть поняты как *следствия тех ситуаций, в которых они принимались*. С этой точки зрения, действие — смысловое следствие нескольких ситуаций: 1) тех, в которых нарабаталась схема узнавания типичной ситуации и действия в ней; 2) той, в которой родилось ре-

шение, намерение сделать что-то; 3) той, в которой происходит действие (которая узнается в качестве типичной в данный момент). Например, я с детства знаю, что такое расписание занятий, и умею безошибочно определять ситуацию, суть которой в том, что в определенный день и час я должен выполнить некоторую работу. Теперь в определенной ситуации я могу составить расписание или согласиться следовать уже существующему расписанию, после чего в соответствующее время будут наступать ситуации, определяющие довольно ограниченный выбор вариантов моего поведения: выполнить работу, сослаться больным и не выполнить, переложить ее на другого, пересмотреть расписание и т. п.

Джонатан Тернер исходит в своей социологии эмоций из того, что узнавание ситуаций и взаимодействия опосредованы эмоциональными состояниями, которые самим действующим человеком могут быть не распознаны вплоть до того момента, когда другой начинает отвечать на его эмоции своими². Тернер понимает эмоции как физиологические состояния, которые могут не осознаваться, а когда осознаются, называются чувствами (feelings). Он заимствует это понимание и терминологию у Антонио Дамасио³, доказывающего, что рациональное решение невозможно без участия эмоций⁴. Эти уточнения становятся важны, если мы вспомним, что на поведение влияют не только объективные факторы ситуации, но и то, как она воспринимается. *Ситуация сначала воспринимается эмоционально (физиологически и бессознательно), а затем осознается (связывается с определенным чув-*

² Turner J. H. Face to Face. Toward a Sociological Theory of Interpersonal Behavior. Stanford, California: Stanford University Press, 2002; Turner J. H. Human Emotions. A Sociological Theory. N.-Y. : Routledge, 2007.

³ Bechara A., Damasio A.R. The somatic marker hypothesis: A neural theory of economic decision // Games and Economic Behavior. No. 52 (2005).

⁴ См.: Сериков А. Е. Эмоции и свобода воли в контексте нейрофизиологии // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». № 1(11). 2012. URL: <http://www.phil63.ru/emotsii-i-svoboda-voli-v-kontekste-neirofiziologii> (дата обращения: 16.12.12).

ством и языковой категорией). Поэтому ситуация, которая влияет на дальнейшее поведение, определяется не только ее объективными факторами и тем, как она осознается, но и физиологическим состоянием того, кто в ней действует.

У многих авторов человеческие действия понимаются как функция нескольких переменных, среди которых обязательно встречаются цели. Я хочу упростить задачу: *просто описать, в каких типичных ситуациях в нашем обществе может оказаться человек и какие типичные реакции на эти ситуации можно от него ждать.* Постановку и преследование целей с этой точки зрения можно рассмотреть как разновидность поведения в ситуациях. То есть можно предположить, что в стандартной ситуации человек ставит перед собой стандартные цели и достигает их с помощью последовательности стандартных действий. Нестандартная ситуация — это тоже тип ситуации, и для нее тоже существуют типичные решения. Например, можно подвести ее под образец ближайшей стандартной ситуации и использовать один из образцов поведения в ней (это один из основных механизмов инновации) или ничего не делать и ждать, когда ситуация изменится и будет похожа на одну из стандартных. Когда человек убегает от непривычных ситуаций (боится их) или, наоборот, активно их ищет — это тоже стандартные варианты поведения. Итак, я хочу попробовать описать человеческие действия без отсылки к целям и внутренне осознаваемым смыслам, отсылая их только к ситуациям.

Нужно уйти от представления, что человек может надеяться ситуации любым смыслом и совершать любые не зависящие от ситуаций действия просто потому, что он разумен и свободен. Это основная предпосылка большинства гуманистических теорий, но она все усложняет, так как приводит к мысли, что человеческое поведение бесконечно разнообразно. Я исхожу из того, что *поведение разнообразно, но это разнообразие конечно.* Если понаблюдать за жизнью отдельно взятого человека, то можно заметить определенную повторяемость ситуаций, в которых он оказывается, и того, что он в этих ситуациях делает. Даже представители таких творческих профессий, как писатели и художники, проявляют стойкую приверженность определенному стилю и в работе (художественное твор-

чество — это разновидность поведения), и в жизни. В еще большей мере это имеет отношение к другим людям. Я исхожу из гипотезы, что *если в отдельно взятом обществе рассмотреть типы поведения, свойственные большинству его представителей, то полученный каталог ситуаций и типов поведения будет конечен.*

И еще одно уточнение. Классическая биологическая и психологическая схема поведения заключается в том, что в живом существе изначально заложены потребности, которые могут накапливаться и как-то активизироваться, после чего животное или человек ищет возможности их удовлетворить. Мой тезис заключается в том, что *поведение, обуславливаемое ситуацией, не всегда работает по такой схеме.* Потребностям совсем не обязательно накапливаться, как это постулируется в классической этологии. Можно говорить о том, что организм реагирует на стимулы почти всегда, когда он не пресыщен. Например, на вид еды или питья не будет реагировать лишь тот, кто только что вывалился из-за стола. Тот, кто просто сыт, но не объелся, на вид еды реагировать будет, хотя и не так, как голодный.

Ситуация и предоставляемые ей возможности могут напрямую провоцировать определенные формы поведения. Например, человек может есть и пить не потому, что у него накопились соответствующие потребности и он испытывает голод или жажду. Он может это делать просто потому, что натолкнулся на вид еды или питья, увидел рекламу или оказался на кухне, где он лезет в холодильник не из-за голода, а так как привык на кухне лезть в холодильник. Это *полевое поведение*, и существование патологического полевого поведения при повреждении лобных долей и исследовательского полевого при синдроме Туретта показывает, что потребности здесь ни при чем⁵. Да и сами биологи признают, что мотивация может иметь место в отсутствие потребности: «Введение гормонов непосредственно в мозг приводило к формированию поведения, соответствующего удовлетворению опреде-

⁵ См.: Сериков А. Е. Свобода воли и ее утрата в контексте нейропсихологии // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2012. № 2(12).

ленной потребности, хотя этой потребности в организме в тот момент не существовало»⁶.

В рамках классической схемы получается так: мы видим ситуацию и действие, а затем придумываем, какая потребность реализуется в данной ситуации. *Не проще ли сразу исходить из ситуации, а среди ситуаций видеть и такие как накопление неудовлетворенной потребности.* Тогда будет понятно, что один человек ищет еду потому, что голоден, а другой — только потому, что наткнулся на рекламу какого-либо продукта или ресторана. То же и с напитками. Многим известна ситуация, когда наливаешь себе кофе не потому, что испытываешь жажду или потребность взбодриться, а просто потому, что читаешь книгу, в которой герой заварил себе кофе. Вот недавний пример из моей жизни. «Ты не видел мой недопитый кофе?» — спрашивает меня жена, читающая детектив. «Хочешь, заварю?» — предлагаю я. «Нет, у меня где-то с утра оставался, хочу его допить», — отказывается она. Чуть позже я заглядываю в ее книгу и читаю: «Ксения сделала еще один глоток уже остывшего кофе и посмотрела на испещренный своими пометками лист бумаги»⁷. Нужно ли это называть «потребностью в идентификации с героем романа» или проще обойтись без понятия потребности и обозначить как полевое поведение?

Проблема описания типов ситуаций и форм поведения

Не только Росс и Нисбетт, но и большинство гуманистических вообще избегают эксплицитной постановки вопроса о типологии ситуаций и форм человеческого поведения. В психологии, социологии, культурной антропологии, экономике и смежных науках существуют типологии потребностей, институтов и их функций, видов деятельности и т. п., но они либо слишком абстрактны (потребности, функции и институты у Б. Малиновского, функции и подсистемы у Т. Парсонса), либо идеологически нагружены (занятия и виды деятельности в советских исследованиях образа жизни и бюд-

⁶ Жуков Д. А. Биология поведения. Гуморальные механизмы. СПб. : Речь, 2007. С. 72.

⁷ Додонов В. Ю. Память колокольчика : роман. М. : АКПРЕСС, 2007. С. 37–38.

жета времени), либо отражают отдельно взятые узкие области человеческой жизни (например, виды досуга или девиации). Это само по себе вызывает вопрос: *почему в научной литературе о поведении человека почти не встречаются типологии форм поведения и ситуаций, в которых это поведение имеет место, хотя абстрактно зависимость поведения от ситуаций обсуждается довольно часто?*

С одной стороны, описание типов поведения и понимания поведения как зависимого от ситуации не представляет чего-то нового в теоретическом плане. С другой стороны, каких-либо эмпирических работ на эту тему почти нет. Может быть, за исключением типологий потребительского поведения. Но они, как правило, бывают не встроены в какую-либо теоретическую схему или модель поведения вообще. А такой книги, где были бы описаны ситуации и связанное с ними поведение, и это было бы сделано не в качестве отдельных примеров, а систематически, не существует. Похожую работу начал делать Вадим Михайлин, но она еще не завершена. Кроме того, его подход предполагает опору на классические индоевропейские тексты и историографию, что позволяет вычлнять в поведении типичные для индоевропейцев поведенческие коды. Поведение современных людей у Михайлина рассматривается не столько как основной предмет исследования, сколько как источник примеров, поясняющих читателю, о чем идет речь в классической ситуации⁸. Я думаю, что этот подход очень перспективен. Он дает основания для классификации поведения и ситуаций, для выделения в них того, что универсально для культуры индоевропейцев. Но самому мне хотелось бы просто попробовать составить некую обособленную классификацию ситуаций и поведения в нашей культуре и нашем обществе.

Итак, нет такой книги, в которой бы систематически описывались типичные для нашей культуры и общества ситуации и типичные действия в них. Ее не существует по целому ряду причин. Во-первых, таких ситуаций бесконечно

⁸ Михайлин В. Тропа звериных слов: пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции. М.: Новое литературное обозрение, 2005.

много и, соответственно, даже типичных ответов на них существует еще больше. Но, главное, *господствующая мифология заключается в том, что таких ответов бесконечно много, следовательно, описание теряет смысл*. Но это не так. Я думаю, что ответов для данной культуры существует *конечное множество*. Во-вторых, обычно свободный от идеологических ограничений анализ человеческих действий существует только там, где он направлен на извлечение прибыли и других конкретных результатов. Например, в психологии и социологии потребления, рекламы, пропаганды. Возможно, в спортивной психологии, в медицине. Нет обзорных работ и, соответственно, нет общих типологий поведения. Существуют лишь те, что создаются в рамках отдельной отрасли (например, виды потребительского поведения, виды преступления и т. п.). В-третьих, крайне редко в рамках одной работы анализируются как физиологические состояния и потребности, с одной стороны, так и типичные ответы на житейские ситуации, с другой. Обычно эти темы для большинства авторов несоместимы.

Последний подход органичен для этологии человека, но она делает самые первые шаги, и в ней нет каких-либо развернутых типологий человеческих ситуаций⁹. Поэтому за основу можно было бы взять этологические типологии поведения животных, дополнив их специфически человеческими ситуациями. Предварительно можно сказать, что в эту типологию должны войти ситуации, соответствующие базовым физиологическим и эмоциональным состояниям, таким как голод, холод, сексуальное желание, поиск дома, радость, страх, удивление, страдание, гнев, игра, забота, дружба и любовь, передача опыта, а также таким как чувство единства с сородичами, мистический опыт, творческое озарение и желание им поделиться. Этологические типологии в данном случае интересны тем, что предназначены для внешнего наблюдения и детального описания форм как восприятия ситуаций, так и

⁹ Есть работы, посвященные классификации инстинктов человека, но не ситуациям и поведению в целом. Например, см.: Протопопов А. И., Вязовский А. В. Инстинкты человека (Попытка описания и классификации). Вторая редакция. URL: <http://ethology.ru/library/?id=407> (дата обращения: 16.12.12).

поведения в них. Они нацелены на эмпирическую работу и при этом выгодно отличаются от бихевиористских классификаций тем, что не игнорируют внутреннего психического состояния наблюдаемых животных или людей, а от психологических и социологических классификаций — тем, что не преувеличивают значения осознания, рационального мышления, этических и эстетических принципов и норм в выборе форм поведения.

Типология ситуаций — это типология возможных альтернатив поведения в данной ситуации. Поэтому ее целью должно быть описание подобных альтернатив и создание своеобразного исчисления универсальных и культурно-специфических типов ситуаций, поведения в этих ситуациях и способов эволюции этих типов ситуаций и возможных образцов поведения, механизмов их изменения, взаимодействия и отбора. Такая типология ситуаций должна быть построена, если говорить в терминах логики, на основе операциональных, а не реляционно-атрибутивных определений. Последние обычно претендуют на выявление сущности предмета через перечисление его существенных признаков, определяемых в рамках той или иной теории. А операциональные определения даются для того, чтобы можно было эмпирически распознать предмет. Этот подход, конечно, не отрицает важности теории, но все-таки *смещает акцент на признаки, которые можно распознать и которые отличают один предмет от другого именно на уровне распознавания.*

Мой подход заключается в том, чтобы описывать ситуации и поведение, а не то, как люди осознают свое поведение, цели и ценности. Это напоминает бихевиоризм. Но бихевиористы такой задачи перед собой не ставили, по крайней мере в явном виде. Они делали акцент на обучении и в радикальной форме бихевиоризма отстаивали тезис о том, что любое живое существо, в том числе и человека, можно научить реагировать на различные ситуации определенным образом. В противоположность бихевиористам, классические этологи исходили из того, что многие аспекты поведения в ситуациях являются врожденными, инстинктивными. В противоположность и бихевиористам, и этологам, многие антропологи считали, что и типичные ситуации, и пове-

дение определяются культурными кодами. С точки зрения экономистов, поведение и его нормы определяются доступностью ресурсов и тем обстоятельством, что все имеет цену. *Я хочу временно уйти от этих теоретических вопросов и просто сформулировать эмпирическую проблему. Суть ее в том, что какого-либо исчерпывающего или просто систематического описания типичных ситуаций и поведенческих реакций на эти ситуации не существует даже для отдельно взятого общества, не говоря уже о различных обществах в целом.*

Возможно, эта проблема не решена потому, что многие ученые считают его невыполнимой по практическим соображениям (нет ресурсов, с такой темой нельзя выйти на защиту диссертации и т. п.). Возможно, к ней никто не приступает по соображениям политкорректности, так как всё, что напоминает этологию и бихевиоризм, среди гуманитариев и специалистов по социальным наукам считается дурным тоном. И, наконец, совсем невероятное предположение: возможно, никому просто в голову не приходило заниматься «подобной ерундой».

Еще одна возможная причина отсутствия развернутых типологий ситуаций — это существующие традиции описания. Например, в антропологии принято описывать не столько ситуации и поведение в них, сколько правила поведения, основанные на рассказах представителей данной культуры. В социологии обычно описывают переменные, которые задаются или формуляром наблюдения, или вопросами анкеты. То есть существует *проблема эмпирических методик наблюдения и описания.* Когда появляется новая методика регистрации эмпирических данных, это способствует открытию новых фактов. Например, бихевиористы всегда предпочитали исследовать поведение животных в экспериментальных (искусственных) условиях, а классические этологи — в естественных. И тому, и другому способствовало появление определенных эмпирических методик, таких как знаменитый ящик Скиннера. Когда появилась этология человека, Ирениус Эйбл-Эйбесфельдт и его коллеги придумали регистрировать поведение человека ненаправленной кинокамерой, что стало решающим инструментом в доказательстве

наличия у человека некоторых врожденных универсальных паттернов поведения¹⁰.

В частности, чрезвычайно важен вопрос о том, что считать *элементом поведения*, элементарной формой поведения, элементом наблюдения за поведением. Если рассуждать о действии, то это вопрос о том, что считать элементарным действием. В теориях коммуникации — это вопрос о том, что есть отдельная коммуникация. В миметических теориях — это вопросы о том, что есть отдельные мемы и как они соотносятся с их фенотипическими проявлениями. В анализе текстов и разговоров — это вопрос о том, что есть элемент текста. Поскольку меня интересуют повторяющиеся элементы поведения, я ориентируюсь на подход, заимствованный в сравнительном литературоведении и сравнительной мифологии¹¹. Суть его в том, что *отдельным мотивом текста считается такой его отрывок, который воспроизводится в другом тексте*. С этой точки зрения, отдельный мотив не существует сам по себе, но появляется только при сравнении текстов. Ту же идею можно применить и к наблюдаемому (или описываемому) поведению: *если наблюдатель замечает, что какая-то поведенческая последовательность повторяется, ее можно эмпирически обозначить как элементарный тип поведения*.

Другой возможный подход может быть связан с тем фактом, что поток поведения разбивается на эпизоды поведенческими символами, которые выступают как рамки. Например, Ирвинг Гофман подробно описывает подобные рамки взаимодействия. Но проблема в том, что для Гофмана

¹⁰ Eibl-Eibesfeldt I., Hass H. Film Studies in Human Ethology // Current Anthropology. Vol. 8, No. 5, Part 1 (Dec., 1967), p. 477. URL: <http://www.jstor.org/stable/2740285> (дата обращения: 18.12.12); Eibl-Eibesfeldt I. The biological unity of mankind: human ethology, concepts and implications // *Prospects*. Quarterly review of education, Vol. VII, No. 2, 1977. P. 171–174; *Эйбл-Эйбесфельдт И.* Этологические концепции и их значение для наук о человеке / пер. с англ. А. Протопопова. URL: <http://protopor.chat.ru/eira.html> (дата обращения: 07.09.12).

¹¹ *Коротаев А. В., Халтурина Д. А.* Мифы и гены: глубокая историческая реконструкция. М. : URSS : Либроком, 2010.

основной интерес заключается в описании внутреннего опыта, его интересуют рамки, которые замечает сам взаимодействующий человек¹². Можно ли различить такие рамки при внешнем наблюдении — это вопрос эмпирический. Кроме того, сами *поведенческие рамки можно зафиксировать только тогда, когда они повторяются при различных наблюдениях*, то есть при первом подходе к выделению элементов поведения. В любом случае опора на повторяющиеся элементы, выявляемые наблюдателем, отличается от классического (восходящего к Веберу и Парсонсу) понимания отдельного действия как соответствующего некому отдельному внутреннему осознаваемому смыслу, цели или задаче.

Здесь возникает еще один вопрос: какова относительная роль повторяющихся и уникальных элементов поведения? Если мы будем описывать только повторяющиеся элементы поведения, не упустим ли мы что-то существенное именно потому, что оно будет уникальным? Кроме того, чтобы понять, что элемент повторяется, нужно уже обратить на него внимание. Но как это сделать впервые, еще до того, как он повторился? Здесь можно поступить так же, как поступаем с текстами. Сначала нужно создать документы, затем сравнивать их между собой. Сплошной поток поведения можно регистрировать на пленку, а затем выделять отдельные части видео, которые похожи. Можно применять статистические методы, когда видео просматривают несколько независимых экспертов, которые самостоятельно вычлениют похожие варианты отснятого поведения. Так делают в психологии при наблюдении за маленькими детьми или больными аутизмом. Если разные люди независимо друг от друга отбирают какие-то элементы видео как похожие, ошибки уменьшаются. *То же самое можно делать с вербальными описаниями поведения*. Существуют огромные массивы текстов самых разных

¹² Вот как сам Гофман пишет об этом: «В книге рассматривается организация опыта, содержание сознания действующего индивида, а не организация общества. <...> Мое внимание сосредоточено не на структуре социальной жизни, а на структуре индивидуального опыта» (*Гофман И.* Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / пер. с англ. под ред. Г. С. Батыгина и Л. А. Козловой. М. : Институт социологии РАН, 2003. С. 74).

жанров, где описаны самые разные ситуации и поведение в них. Если провести сравнительный анализ, то можно выписать повторяющиеся описания, на основании чего сделать вывод о существовании повторяющихся вариантов поведения. Затем можно провести анализ того, какую часть описаний поведения составляет описание повторяющихся элементов, и попробовать вычленив описание уникального поведения.

Итак, человек может воспринимать ситуации по-разному в зависимости от состояния организма. Значит, физиологическая классификация базовых состояний организма может быть положена в основу классификации ситуаций действия. С другой стороны, нельзя забывать, что для человека очень многие стимулы являются знаками и могут не только по-разному восприниматься в зависимости от контекста, но и переключать восприятие контекста. В том числе знаки, очевидно, могут переключать физиологические состояния организма (эмоции, побуждения). Поэтому ключевой раздражитель (релизер) некоего человеческого поведения может состоять из нескольких одновременных или последовательных переключателей. Например, в гипнозе или в НЛП это работает так: сначала вводим в транс, затем даем команду и т. д. Так же может действовать реклама: сначала пробуждение интереса любым путем, затем переключение с одной бессознательной мотивации на другую. Поэтому, например, образы женского тела часто встречаются в рекламе автомобилей для мужчин. Другим таким контекстом для релизеров у многих животных является территория, и у человека она тоже важна, в том числе и в метафорическом смысле границ социального пространства. Поэтому типология ситуаций могла бы строиться на пересечении следующих категорий: *эмоционально-физиологических* (включая состояния болезни и здоровья, усталости и полноты сил, сна и покоя, голода и жажды, полового влечения и прочих побуждений, базовых эмоций); *половозрастных* (возраст — это и социально значимый маркер принадлежности к различным зонам социальной иерархии, и физиологическая предрасположенность к различным реакциям на стимулы); *социально-пространственных* (включая ландшафтные с социально-культурным значением).

Ситуации голода

Одно из основных физиологических состояний, лежащих в основании восприятия ситуаций, — *голод*. Голодный человек думает о еде, везде ищет возможность удовлетворить голод, не замечает тех вещей, которые никак не связаны с едой, и т. п. Человек, которому систематически не хватает еды, в своем восприятии мира существенно отличается от того, кто не испытывает в ней недостатка. Недаром ведь говорят, что «сытый голодному — не товарищ». В нашей стране люди старшего поколения, пережившие в детстве страшный голод военных и послевоенных лет, всю свою жизнь воспринимают еду как величайшую ценность, и их поведение в этом смысле очень сильно отличается от поведения представителей других поколений.

Далее я хочу попробовать на примере голода показать, как можно было бы уточнять варианты базовой ситуации и описывать формы поведения в ней. Гипотеза такая: поскольку большинство жизненных ситуаций отражены либо в художественной литературе, либо в дневниках и абсолютное большинство этих текстов выложены в Интернет, то там можно найти описание всех типичных ситуаций и типичных реакций на них (из тех, что осознаются или наблюдаются извне). Проверив эту гипотезу, я получил для ситуации «голод» следующие *предварительные* результаты.

Если набрать в поисковике Google «голод есть искать еду утолить», он выдает примерно 300000 результатов. Уже первые несколько десятков результатов позволяют начать выделять разновидности базовой ситуации. Намечаются следующие типы описаний: *символический голод* (представление или воспоминание о голоде; мифология голода¹³), *голод-удовольствие* (когда есть еда и нет внутренних или внешних запретов) и *голод-страдание*, когда еды или нет, или существуют табу.

С понятием символического голода можно связать ситуацию, когда во сне снится голод. Типичная реакция: истол-

¹³ Например: «Голодные духи обычно невидимы человеческому глазу...» URL: www.sansara.net.ua/buddhism/directory/hungry_ghosts (дата обращения: 12.11.12).

кование сновидения, поиск методов толкования сновидений. Эта, строго говоря, не ситуация голода.

Есть такие результаты поиска, которые отсылают к уже существующим типологиям, в которые входит голод. Часто это описание состояний и ситуаций в компьютерных играх. Например: «Состояния — это эмоциональные и физические эффекты персонажа в Project Zomboid, которые он испытывает. Каждое состояние как-то влияет на поведение персонажа и требует принятия каких-либо мер, чтобы избавиться от них. Но есть и такие, которые пропадают сами, например, сытость»¹⁴. Я цитирую это определение, поскольку оно очень близко к тому, что я беру за основу ситуаций, близко к энологическому подходу. Интересно, что в научной литературе такой подход встречается редко, а в играх — вот он, пожалуйста! Далее следует такой список состояний: кровотечение, скука, несчастье, тревожность, злость, простуда, смерть, опьянение, изнеможение, перегруз, похмелье, голод, ранения, боль, паника, болезнь, усталость, промок, зомби, жажда.

Если не принимать во внимание символический голод, то возможно ранжирование голода от состояния, когда человек буквально умирает от отсутствия еды, до состояния, когда пресыщенный человек специально вызывает у себя голод. В первой ситуации человек или действительно умирает, или активно ищет еду, спасая свою жизнь и игнорируя при этом все или почти все пищевые табу и любые другие запреты. Во второй ситуации человек искусственно вызывает у себя аппетит, чтобы получить удовольствие от еды или принять еду в качестве необходимого лекарства, заставить себя поесть. Трудно одним словом обозначить критерий или параметр такого ранжирования, условно он мог бы называться *реальностью голода* или силой голода.

Приведу типы ситуаций, отраженные в первых 200 результатах поиска в Google. Самая распространенная тема среди результатов поиска — *похудание и диета*. Видимо, это результат коммерческого продвижения соответствующих сай-

¹⁴ Состояния // ProjectZomboid.Ru — Новости, статьи, интервью с разработчиками и форум! URL: <http://projectzomboid.ru/wiki/index.php/Состояния> (дата обращения: 21.12.12).

тов. Первая типичная для нашего общества ситуация: хочу есть, испытываю голод при наличии продуктов. Одна из типичных реакций: *ограничиваю себя и следую диете, ищу рецепты похудения*. Как варианты возможны разные объяснения: культурные табу, косметология, боевые искусства, здоровье и т. д.

Радикальный вариант этой ситуации — *добровольная голодовка*. В качестве примера описания приведу начало рассказа «Голод» Платона Беседина. «Толстые дети — самые несчастные. Я был одним из них: жирным и розовощеким, со школьной кличкой “жиртрест”, охами и ахами взрослых, ухмылками девочек и астматической одышкой — собственно, из-за всего этого я и объявил голодовку. Я перестал есть, когда мне исполнилось тринадцать. Еда стала моим главным врагом, на борьбу с которым шли все мои силы»¹⁵. Как вариант развития такой ситуации возможно насильственное кормление. «Родителям моя новая фантазия, грозящая язвой, ясное дело, не понравилась. И меня стали кормить насильно»¹⁶.

Вторая ситуация, которая была типичной в недалеком прошлом: *умирающий с голоду среди людей ищет возможность выжить*. В этом же рассказе Беседина описан голод 1930-х. Голодающие ели буквально все подряд, все растения и всех животных. Иногда набивали живот заведомо несъедобной травой, после чего в мучениях умирали. В этой ситуации *могут быть нарушены любые табу*. В голодомор ели других людей, в том числе своих близких, и раскапывали могилы в поисках того, что можно обменять на еду. «Помню, как стоял у сельсовета, когда привезли связанную девушку в белёсых струпьях и жёлтых гнойниках. Я смотрел на неё во все глаза, по толпе гулял слух: она убила свою мать, расчленила и засолила в кадках. Мясом своей собственной матери она и питалась. Я видел её глаза: в них был лишь животный голод. Она не испытывала вины и угрызений совести. Голод нивелировал эти понятия. Жрать мать, чтобы выжить. Только один инстинкт»¹⁷. «Когда мы через месяц вернулись в

¹⁵ Беседин П. Голод. URL: <http://www.hrono.ru/text/2011/besed0511.php> (дата обращения: 17.10.12).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

родное село, в нашем доме стояла ужасная вонь, а на печи лежала распухшая недвижимая куча. Мы подошли ближе и с трудом распознали мою мать. Ничего форменного, конкретно, ничего того, что давало бы шанс идентифицировать человеческое существо — только распухшая туша. И если глаза — это зеркало души человека, то в тот момент у моей матери души не было. Она взглянула на меня и пробормотала:

— Я тебя съем!»¹⁸

Здесь же мы сталкиваемся с третьей типичной в нашей истории ситуацией: *голодный бездомный человек без денег умирает с голоду*, так как у него нет сил и возможностей что-либо предпринять. В отличие от массового голода в голодомор или блокаду, отдельный человек может умереть с голоду *рядом с благополучными другими*. Дарья Власова описывает такое состояние в рассказе «Мы будем вместе». «С трудом пройдя сквозь летящие снежные хлопья, мальчик оказался возле булочной. Он любил булочную. Потому что там пахло хлебом. Мальчик никогда не ел хлеб. Но он видел на прилавке свежие горячие батоны, от которых словно исходило тепло. Ребёнок наедался одним лишь видом этого хлеба, а иногда — и запахом. Ему нравилось, как пахнет хлеб. Мальчик мечтал купить такой батон, ребёнку его бы хватило на две недели. Но у него не было денег. На работу не брали, прохожие никогда не подавали, а найти разбросанные монеты было очень трудно. В тот день малыш изрядно вымотался, прилипший к позвоночнику живот ныл от голода, и всё тело замерзло. Мальчик прислонился к витрине и опустил на холодный снег. Он не переживёт эту ночь. Он так давно не ел и слишком замёрз»¹⁹.

Четвертая ситуация: *голодный стучится в дверь и просит немного еды (денег), чтобы утолить голод*. Варианты ее развития: могут подать или нет; нужно решить, стучаться в следующую дверь или нет. Разновидность этой ситуации: *поиск еды по брошенным домам, свалкам и помойкам*. Вариант этой ситуации, не столько реальный, сколько литературный: *грабеж как способ утолить голод*.

¹⁸ Беседин П. Голод.

¹⁹ Власова Д. Мы будем вместе. URL: <http://www.proza.ru/2012/07/17/360> (дата обращения: 17.10.12).

Пятая ситуация: *хочу есть и ищу работу*. Человек в этой ситуации готов выполнить любую работу, оказать любую помощь за символическую оплату или просто за еду.

Шестая ситуация: *хочу есть, но не хочу платить, пользуясь благотворительностью*. В нашей стране такая практика встречается редко, в Европе и США — это в порядке вещей. Вот пример из статьи на сайте института Гете. «В Берлине даже нищим практически невозможно умереть от голода: в городе действуют десятки благотворительных организаций, которые кормят обездоленных горожан. Что значит еда для тех, кто не может или не хочет за нее платить? Трое берлинских бездомных рассказали корреспондентам То4ки-Treff о том, что входит в их ежедневное меню»²⁰.

Седьмая ситуация: *голод в экстремальных условиях*, когда нечего есть, например, в лесу или в горах. Реакция: поиск съедобных вещей, охота, выживание, поиск рецептов выживания.

Восьмая ситуация: *анорексия как болезнь* — состояние голода, но отсутствие аппетита или отторжение еды организмом. Необходимость лечения.

Девятая ситуация: *человек с ограниченными материальными возможностями хочет есть, находясь дома*. Как правило, такие люди покупают самые недорогие продукты и готовят самостоятельно. Это одна из самых типичных ситуаций в нашем обществе.

Десятая ситуация: *человек с ограниченными материальными возможностями, который хочет есть вне дома*. Типичное ее развитие — это обед всухомятку или поиск дешевого кафе, столовой. «Россияне предпочитают утолять голод на работе печеньем и булочками»²¹.

Вариант этих двух ситуаций: *голодный студент*. «Большинство опрошенных отдали своё предпочтение местам быстрого обслуживания, где предлагают домашние блюда. Комп-

²⁰ Пока живот полон — со мной все в порядке. URL: <http://www.goethe.de/ins/ru/lp/prj/drj/top/kos/ru9481775.htm> (дата обращения: 19.10.12).

²¹ Малыгин М. Россияне предпочитают утолять голод на работе печеньем и булочками // Ведомости. 27.09.2011. URL: www.vedomosti.ru/career/news/1376509/bole_e_poloviny_rossiyan (дата обращения: 22.12.12).

лексные обеды там стоят дешевле, чем блюда отдельно. Также в лидерах мест дешёвого питания — университетские или школьные столовые, кафе и буфеты. Там можно неплохо покушать по низкой цене. Самым выгодным способом утолить голод в любом случае является приготовление еды своими руками, стоя возле плиты... В посольствах разных стран иногда устраивают бесплатные занятия для изучения языков. Также проходят встречи для тех, кто проявляет интерес к культуре и народу той или иной страны. “Мы посещали посольство Польши, нас угощали вкусным чаем, говорили с нами на польском, что очень хорошо для меня, ведь я уже полгода изучаю польский язык”²².

Одиннадцатая ситуация: *у человека есть деньги, он хочет и умеет готовить*. Эта ситуация похожа на самую первую, но отличается от нее отсутствием диеты. Варианты поведения: поиск рецептов, продуктов, посуды и т.п., а затем готовка и угощение едой родственников и друзей.

Двенадцатая ситуация: *у человека есть деньги, он не умеет, не хочет или не может в данный момент готовить*. Типичное поведение: пойти в кафе или ресторан, чтобы утолить голод, заказать еду по телефону.

И еще одна ситуация, не зависящая напрямую от наличия или отсутствия денег: *готовить лень*. «Классический вариант. Под этим вариантом предполагаю приготовление пищи кем-то. У меня это в первую очередь мама. Она с самых первых дней кормит меня неумелого, и даже когда я вырос, она это занятие никак не бросит. Иногда спасает от голода отец — на скорую руку приготовленная яичница убивает во мне монстра, который рвет все внутри живота. Ооочень редко, когда голод уже высосал с меня все силы и повалил под компьютерный столик, как фея-спасительница на помощь приходит моя очаровательная девушка: тут главное — не забыть ей хоть с утра, пока загружается компьютер, смсочку черкануть, что родителей дома не будет несколько дней»²³.

²² Тайна студенческого кошелька. URL: <http://www.uznai.su/page/taina-studencheskogo-koshelka.aspx> (дата обращения: 22.12.12).

²³ Питание вебмастера, не умеющего готовить. URL: <http://vremenami.com/interesno/pitanie-vebmastera-ne-umeyushhego-gotovit.html> (дата обращения: 22.12.12).

Итак, имеют место несколько признаков, по которым различаются ситуации голода. В целом намечаются следующие три измерения, связанные с противоположными состояниями человека: 1) вынужденный голод (при отсутствии еды) — добровольный (при наличии еды); 2) голод-удовольствие — голод-страдание; 3) голод, когда организм ослаблен, — голод, когда организм полон сил. К этим признакам-измерениям добавляются множественные пищевые табу и привычки, а также способы добычи еды, которые определяют, как человек реагирует на чувство голода.